

может. Он так беспечен и свободен в средствах, что с легкостью вышвыривает на стол сотню-другую золотых и, отойдя чуть в сторону, заказывает себе кружку эля с такими словами: «Господа, простите мне мою дерзость, что я поднимаю свою кружку за ваше здоровье!»

Тем временем Рифмоплет, изображающий джентльмена, подходит к вам и усаживается рядом, желая вместе посмеяться над выходками пьяного крестьянина. Между этими двумя все очень тщательно продумано и тонко рассчитано, так что вдруг откуда ни возьмись появляется пара потертых карт, и Барнард принимается обучать Рифмоплета новой игре, за которую он сам заплатил пару кружек эля тем же вечером, не более двух часов назад. Первая ставка — пиво, потом играют на два пенса, потом ставки начинают расти. Короче говоря, все заканчивается тем, что даже самый стойкий, самый крепкий орешек, всю жизнь не бравший карт в руки, оказывается рано или поздно не в силах отказаться занять место Рифмоплета. Игра вскоре поворачивается таким образом, что он теряет, все свои деньги, будь это хоть сотня фунтов. И вот когда дело сделано, кузен начинает возмущаться и грозить, что этот пьяный пройдоха не получит от него ни цента, тогда в дверях появляется следующий персонаж — затируха. Он достает нож и по самому ничтожному поводу затевает ссору с конюхом, с буфетчиком или еще с кем-нибудь. И пока вся компания собирается поглазеть на их драку, Барнард потихоньку улепetyивает и скрывается где-нибудь в заранее условленном месте. Там он и поджидает остальных из своей шайки, чтобы поделить добычу.

Если же случается так, что все эти уловки применить невозможно, кузена ведут на какое-нибудь шумное зрелище или на медвежью травлю — короче говоря, туда, где собирается множество народу. И там, стараниями прилежного ученика Джеймса Элиса, его кошелек будет срезан, а денежки украдены. И наконец, самое последнее средство, к которому прибегают мошенники, — это услуги их жадных сотоварищей по праву большой дороги. Они стаскивают с кузена одежду, связывают его и грабят, отбирая все до последнего гроша. Так что уж лучше было ему поддаться на их уловки с самого начала, заткнуть добычей их жадные рты, чем держаться так долго, чтобы в конце концов тебя ободрали как липку, обрили, как безмозглую овцу, и бросили одного на дороге, вдали от друзей, добираться до которых придется босиком по проезжей дороге и просить по пути милостыню на пропитание.

Р.: — Да, нечего сказать, удивительные способы зарабатывания денег. Однако ведь рано или поздно все они ведут к плачевному концу.

М: — Понимаю, что ты имеешь в виду. Ты полагаешь, что подобные людишки оканчивают свою жизнь на Тайберне или же у святого Томаса из Уортингса, но это происходит далеко не так скоро, как можно было бы предположить. Лишь мелкие ворюжки да неопытные юнцы находят короткий путь на виселицу. Опытные старые пройдохи и мошенники предаются своему порочному ремеслу в течение двадцати, а иногда и тридцати лет кряду. Их редко ловят, на них редко падает подозрение. Надежнее других защищены те, у кого есть большая шайка помощников-сообщников. Их ремесло превыше всякого другого требует опыта и умения, у них разработан хитрый и сложный секретный язык, поэтому постороннему пробраться в такую шайку очень и очень непросто. Сначала надо пройти хорошую школу, научиться ремеслу, а еще узнать друг друга как следует и приучиться выполнять любые приказания старших. Человек должен при этом работать и практиковаться в своем ремесле только там, где ему положено, он ни при каких обстоятельствах не смеет ступить на чужую территорию. Так, некоторые орудуют только в соборе Св. Павла, другие — в Вестминстере, кое-кто занимается мясными и рыбными рядами на рынке в Чипсайде, кто-то — только медвежьей травлей в Боро. Некоторые под видом коробейников-разносчиков трудятся на деревенских рынках. Вообще говоря, их вотчина — это любое скопление людей. У них есть специальные соглашения, по совету которых шайки время от времени меняют место своего промысла, чтобы на них не пало подозрение. И если что случится, хотя бы даже и в Ньюкастле, все остальные члены шайки, не покидая Лондона, оказываются прекрасно осведомлены о том, кем и когда совершено дело. У них имеется еще один весьма важный помощник — казначей, кто хранит богатства. К его услугам прибегают в том случае, когда невозможно сразу продать украшения, драгоценности или какое иное добро, чтобы не вызвать при этом подозрений. И тогда эти ценности попадают в руки казначея, будто бы в залог за выданную в долг сумму денег. Выписывается также счет о продаже, и тем соблюдается полная видимость честности и законности сделки. Поэтому когда два или три месяца спустя первоначальный хозяин вещей решает их продать, чтобы заработать на краденом, он по первому требованию может представить этот самый счет, выписанный каким-нибудь Джоном Ноком или Джоном Стайлом, человеком, которого никто никогда не видел и не увидит. Вот каким образом воровство получает весьма благооб-